

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ АВСТРАЛИИ и ОКЕАНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

В. Р. КАБО

АВСТРАЛИЙСКАЯ ОБЩИНА

Социальная организация аборигенов Австралии издавна привлекала внимание исследователей, однако община, или локальная группа, как часто называют общину в австраловедческой литературе, оказалась в поле их зрения сравнительно недавно. Во многом это объясняется наметившимся лишь в последние десятилетия интенсивным изучением социально-экономических отношений в первобытном, доклассовом обществе. В прошлом исследователей интересовали преимущественно иные формы общественной организации австралийцев. Правда, понятие «община» (под термином «орда», заимствованным из тюркских языков) было введено в австраловедение еще Л. Файсоном и А. Хаунттом. Так они называли вирилокальные общины в областях распространения матрилинейного рода¹, но само явление не было ими раскрыто. Редким исключением в этом плане была работа А. Кнабенханса, где рассматривались структура австралийской общины, численность общин в различных экологических условиях, межобщинный обмен и т. д.².

Дж. Уилер, поставив своей задачей изучить австралийское племя, в конце концов пришел к выводу, что «важнейшая общественная единица у австралийцев не племя, а небольшая локальная группа; племя — объединение нескольких таких групп»³. И значительная часть его материалов относится именно к общине как основной структурной ячейке австралийского общества.

А. Р. Рэдклиф-Браун в своих классических исследованиях определил австралийскую локальную группу как общественную форму, обладающую следующими признаками: 1) принадлежность к группе связана прежде всего с происхождением, ребенок входит в группу отца; 2) в большинстве случаев локальные группы экзогамны, и женщина, вступая в брак, покидает свою группу и присоединяется к группе мужа; 3) локальная группа состоит из мужчин и незамужних жен-

щин, принадлежащих к группе по рождению, а также из жен, в большинстве своем пришедших из других групп; 4) локальная группа владеет определенной территорией, границы которой обычно четко фиксированы, со всеми ее естественными ресурсами, это основная землевладящая единица; добывание пищи на территории другой локальной группы без ее разрешения не допускается; 5) мужчина обычно не покидает своей группы, в нормальных условиях он остается ее членом от рождения до смерти; 6) локальная группа независима и автономна во всех своих делах и в отношениях с другими группами; 7) как правило, локальная группа владеет несколькими тотемическими центрами, расположенными на ее территории и основанными, как верят австралийцы, в незапамятные времена мифическими существами — тотемическими предками. По словам А. Р. Рэдклиф-Брауна, во всех областях Австралии, о которых мы располагаем достоверными и подробными сведениями, система небольших устойчивых патрилинейных локальных групп была, а местами и остается основой социальной организации⁴.

Концепция А. Р. Рэдклиф-Брауна имеет некоторые очевидные недостатки. Хотя исследователь и отметил различие между локальной группой и родом, этими двумя основными традиционными институтами австралийского общества, в своих работах он не был в этом отношении достаточно последователен. Тотемические центры, даже если они и расположены на территории локальной группы, в строгом смысле слова принадлежат не ей, а тотемическому роду, так как являются центрами тотемического культа только для членов определенного рода. Локальная же группа, состоящая из семей, включает представителей по крайней мере двух родов.

Филиация может быть признаком не только рода, но и локальной группы, поэтому Рэдклиф-Браун прав, когда говорит о патрилинейности локальной группы, т. е. о принадлежности ребенка к группе отца. Однако принадлежность к локальной группе связана не только с происхождением. Последним определяется принадлежность к тотемическому роду — институту социально-религиозному, но не социально-экономическому, каким является локальная группа. В локальную группу входят не только люди, родившиеся в ней, но и жены родившихся в ней мужчин, а также все те, кто влился в этот коллектив со стороны, но живет и трудится в нем.

Понятие хозяйственной группы — формы существования общины в меняющихся условиях природной среды — у А. Р. Рэдклиф-Брауна отсутствует, хотя он и обратил внимание на то, что, когда пищи мало, локальные группы распадаются на подгруппы, которые разбредаются по террито-

рии локальной группы и остаются вдалеке от главного стойбища в течение длительного времени.

Несмотря на это, выводы Рэдклиф-Брауна заслуженно получили широкое признание. Впоследствии, однако, они стали предметом оживленной дискуссии. Наиболее активным оппонентом А. Р. Рэдклиф-Брауна выступил Л. Хайэтт. Опираясь на современные исследования, в том числе и свои собственные, относящиеся к тем районам Австралии, где аборигены все еще сохраняют традиционный общественный и хозяйственный уклад или, если он исчез, хорошо помнят о нем, Л. Хайэтт попытался показать, что австралийская община строится во многом на иных началах и что локальные группы А. Р. Рэдклиф-Брауна, вероятно, никогда не существовали⁵. По его мнению, общинная организация австралийцев характеризуется не устойчивыми локальными группами, владеющими определенной территорией, а непостоянными по численности и составу объединениями, состоящими из мужчин, принадлежащих к нескольким тотемическим группам, и их жен, причем связь таких объединений с территорией часто неопределенна и условна.

В 1958—1960 гг. Л. Хайэтт изучал одно из племен Северного Арнемленда, которое он называет по его языку — гидийнгалли (племенного самоназвания эти люди не имеют и называют себя просто «мы»). Гидийнгалли, которых в 1960 г. насчитывалось 294 человека, делились на 19 групп, каждая из которых, по словам Л. Хайэтта, владела несколькими участками земли, большинство которых были тотемическими и носили соответствующие названия (например, «здесь живет лягушка»). Исследователь называет эти группы «землевладельцами единицами». 13 из них состояли из одной патрилинейной экзогамной группы, три — из двух и три — из трех патрилинейных групп. Л. Хайэтт объясняет это тем, что некоторые патрилинейные группы по каким-то причинам покинули свои прежние владения и присоединились к другим группам. Хотя ученый и называет эти группы землевладельцами, в действительности они таковыми, вероятно, не были. Землей владели здесь большие по размерам группы, о чем свидетельствуют факты, сообщаемые самим же Хайэттом. По его словам, вся жизнь аборигена проходила в основном не в патрилинейной «землевладельческой единице», а в общине (community). Так он называет группу людей, совместно живущих и кочующих, а значит, и сообща осуществляющих общественное производство.

Гидийнгалли делились на четыре общины: анбара, марау-раба, мадан и маринга. Постоянными членами каждой из них были мужчины нескольких «землевладельческих единиц», их жены и дети. Браки внутри общины не запрещались. Терри-

тория общины включала участки, принадлежавшие входившим в нее «землевладельчим единицам». Между территориями общин не было четких границ, и аборигены не испрашивали формального разрешения посетить территорию соседней общины. Когда истощались природные ресурсы в одном месте, община переходила на другое. Л. Хайэтт пишет, что, если бы «землевладельчая единица» зависела исключительно от природных ресурсов своего тотемического участка, ее члены умерли бы от голода. Очевидно, эти участки были слишком малы и не могли прокормить «владельцев». Следовательно, они были экономически бесполезны, и их ценность, очевидно, состояла не в ресурсах, а в находящихся на них тотемических центрах — средоточиях тотемического культа. «Землевладельчие единицы» Хайэтта не экономические, а тотемические группы. Исследователь, по сути дела, опровергает свое же утверждение, что тотемическая группа являлась собственницей определенной территории. «Хотя члены каждой землевладельчей единицы имели определенные тотемические центры, они не жили все время вокруг них... Люди свободно передвигались по территории всей общины. Исключительная связь между землевладельчей группой и ее территорией существовала только в ритуальной сфере»⁶. Материалы Хайэтта показывают, что фактическими собственниками земли были не тотемические группы, а общины, основные производственные ячейки общества, хотя между территориями соседних общин и не было четких границ, что члены общины пользовались всей ее территорией на равных основаниях как своей собственностью (существовали некоторые ограничения при охоте и рыбной ловле — например, ловушки на рыбу ставились на участках своих «землевладельчих единиц»).

Л. Хайэтт следил за передвижениями общины анбара в течение года. Она насчитывала около 150 человек и включала членов шести тотемических групп. Эти передвижения носили правильный, экологически обусловленный характер. Из главного стойбища на побережье они в поисках пищи разбредались по всей территории анбара. В течение влажного сезона (с января по апрель) анбара жили на участке одной из тотемических групп, входившей в состав их общины. Этот участок, расположенный на берегу моря, был наиболее благоприятен по условиям обитания в это время года, поэтому сюда часто приходили также представители других общин, обитающих вдали от побережья. В период влажного сезона аборигены питались преимущественно рыбой. Во время сухого сезона (с мая по октябрь) вся община анбара перекочевывала в глубь материка и присоединялась к общине, владеющей данной территорией. В этот период она

нередко распадалась на мелкие родственные группы, которые по своим функциям являлись хозяйственными группами. В августе все члены общины снова собирались вместе, а в ноябре — декабре анбара, к которым присоединялись и другие обитатели внутренних районов, начинали двигаться к побережью⁷. Собственность отдельных общин на землю не была, следовательно, абсолютной, и гидингали рассматривали территорию всех четырех общин как свою общую кормовую область. Это позволяло им успешно осваивать всю территорию племени с ее разнообразными естественными ресурсами, ориентируясь в разное время года на добывание то одних видов продовольствия, то других. Общины как бы попеременно обменивались продовольственными ресурсами. Не будь этой формы распределенного во времени взаимобмена, осуществляемого посредством циклического передвижения общин по территории племени, одни общины голодали бы, в то время как на земле других был бы избыток продовольствия. При этом представление о связи определенных территорий с определенными общинами неизменно сохранялось.

Циклический, сезонный тип хозяйственной деятельности, включающей концентрацию локальных групп на побережье, временную специализацию на морском промысле и относительную оседлость в дождливый период северо-западного муссона, характерен и для некоторых других племен Арнемленда.

В прочих районах Северного Арнемленда, по свидетельству А. Элькина и супругов Берндт, локальные группы были невелики, в собственности каждой находились участки земли. Костяком таких групп являлись патрилинейные, вирилокальные локализованные роды. Кроме того, существовали матрилинейные экзогамные тотемические фратрии, члены которых — женщины и мужчины — были рассеяны между различными локальными группами⁸.

В 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур изучали жизнь одной из локальных групп Северного Арнемленда. Группа состояла из 9 человек — мужа, его жены, четырех его двоюродных братьев, жен двух из них и еще одного молодого человека, о родственных отношениях которого с остальными не сообщается. Мужчины этой группы принадлежали по крайней мере к двум патрилинейным родам, но были членами одного трудового коллектива, вместе охотились, жены их вместе добывали растительную пищу. Те же исследователи наблюдали, как живет и трудится одна из локальных групп на сравнительно изолированном острове Грут-Айленд у берегов Арнемленда. Группа состояла из мужа, жены и ее брата с женой. Мужчины принадлежали к различным патрилинейным родам⁹.

В 20-х годах XX в. на острове Грут-Айленд, коренное население которого составляло около 300 человек, было шесть локальных групп, две из них включали две трети всего населения острова¹⁰. Позднее Ф. Роуз установил, что эти группы состояли из мужчин и женщин различных патрилинейных тотемических родов¹¹. Родовая гетерогенность локальных групп была, очевидно, их традиционной чертой. По словам П. Уорсли, границы между территориями общин не были строго фиксированными, однако большую часть года локальная группа проводила на собственной территории¹².

У муринги, живущих на северо-востоке Арнемленда, локальные группы насчитывали в среднем 40—50 человек. Ядром территории, составлявшей в среднем 576 кв. км, обычно являлся водоем, вблизи которого располагались стойбища. Костяком локальной группы, по Л. Уорнеру, был локализованный экзогамный патрилинейный род, мужчины которого жили почти постоянно на территории своей локальной группы, тогда как женщины приходили в группу мужа из других родов через год или два после заключения брака (вследствие временной уксорилокальности). В периоды относительного изобилия продовольствия дружественные группы жили и добывали пищу совместно; к тому же их члены при необходимости всегда могли добывать пищу на землях друг друга. В аридных внутренних районах полуострова границы общинных территорий не отличались определенностью, но на морском побережье они были четко фиксированы и хорошо известны всем¹³.

Согласно Л. Уорнеру, земля у муринги находилась в собственности локализованных родов. Но ведь на этой земле постоянно жили только мужчины рода, а женщины, вступая в брак, уходили в другие локальные группы. В то же время жены этих мужчин, приходя из других групп, наравне с ними участвовали в общественном производстве и имели такие же права на природные богатства территорий. Поэтому подлинными их собственниками были не тотемические роды, а локальные группы, в состав которых входили представители разных родов.

Р. Берндт пишет, однако, что у муринги локальные группы состояли из представителей нескольких (от двух до шести) патрилинейных родов, но мужчины — члены одного рода с их семьями — в некоторые периоды года образовывали самостоятельные группы. Локальные группы, по словам Р. Берндта, владели определенными участками, границы которых были хорошо известны. Они могли добывать пищу на территории других локальных групп, но большую часть года оставались на своей земле¹⁴.

Территории локальных групп Западного Арнемленда в на-

чале 30-х годов, когда их изучал У. Станнер, были невелики (иногда менее 16 кв. км), границы их довольно неопределенны, поэтому другие группы часто переходили их в поисках дичи и растительной пищи. Нередко участки земли принадлежали двум или трем группам одновременно. Но именно локальные группы У. Станнер считает собственниками земли. Однако тотемические центры, как и в других местах, принадлежали патрилинейным тотемическим родам. Локальные группы были патрилинейны и вирилокальны, состояли из представителей различных тотемических родов — женщин и мужчин — и не были строго экзогамны¹⁵.

Ту же область Западного Арнемленда примерно через двадцать лет посетил И. Фалькенберг — автор монографии, посвященной группе племен — муринбата и их соседям¹⁶. Это исследование является в известной мере реконструкцией традиционных отношений. На земле каждого племени были расположены территории локальных групп, которые И. Фалькенберг, подобно У. Станнеру, называет «ордами». На землях локальных групп, в свою очередь, располагались тотемические центры рода, составляющего костяк данной локальной группы. Каждый род имел несколько тотемических центров и соответственно несколько тотемов. Роды были патрилинейны и экзогамны. Женщины, вышедшие замуж за мужчину из другой локальной группы и даже племени, оставались членами рода, к которому они принадлежали от рождения. Помимо своего рода абориген был тесно связан с родом матери, особенно с ее братом. Он мог охотиться на территории локальной группы, основу которой составлял этот род, но не смел приближаться к его тотемическим центрам. Члены локальной группы далеко не всегда добывали пищу сообща. Как правило, этим занимались небольшие хозяйственные группы, организованные по родственному принципу, например мужчина и его жены или группа братьев с женами. Мужчины, прошедшие обряды посвящения, составляли закрытое культовое сообщество, куда непосвященные, в том числе женщины, не допускались. Если женщина, вступая в брак, покидала свою локальную группу, мужчина был связан с ней всегда. Согласно И. Фалькенбергу, локализованный род, т. е. род, образующий костяк локальной группы, был связан с «родовой территорией» мифологическими и тотемическими узами, тогда как локальную группу с территорией и ее ресурсами связывала экономика.

Мужчины одного рода жили вместе в одной локальной группе. Сведения И. Фалькенберга отличаются от того, что писал об этих же племенах У. Станнер двадцать лет назад. Возможно, реконструкция И. Фалькенберга отражает более раннюю структуру, но доказательств этому мы не имеем.

Скорее всего, в исследованной группе племен, как и в других племенах Австралии, можно было наблюдать общины обоих типов — как локально-родовые, основу которых составлял локализованный род, так и гетерогенные, состоящие из представителей нескольких родов.

В племени гунвинггу (Западный Арнемленд) Р. и К. Берндты различают три типа социальных общностей — гунмугугур — вирилокальный, патрилинейный локализованный род, связанный с землей религиозно-тотемическими узами; общину, обитающую на определенной территории, включающей тотемические центры нескольких родов; орду, подвижную хозяйственную группу (состоящую из одного или нескольких мужчин локализованного рода с их женами и детьми), меняющую в зависимости от обстоятельств свой состав и численность. Гунмугугур, по словам Р. и К. Берндтов, — группа, владеющая землей; орда — группа, использующая эту землю в хозяйственных целях¹⁷.

Такая модель общественной структуры австралийского племени во многом близка к нашей модели, также различающей общину, основную социально-экономическую ячейку общества, реальную собственницу территории, а также динамичную хозяйственную группу как часть общины и род. Р. и К. Берндты верно вычленили эти три основных социальных института охотничье-собираетельского общества, однако характеристика общины оставляет желать многого. Сущность общины им недостаточно ясна. Термин «орда», прилагаемый исследователями к хозяйственной группе, неудачен; к тому же в других своих работах они относят его к общине (локальной группе). Совершенно очевидно, что собственность рода на землю имеет не экономическое, как утверждают Р. и К. Берндты, а религиозное содержание. Сами авторы пишут об этом на страницах своей книги. Кто же является собственником земли в экономическом смысле? Об этом они умалчивают — вероятно, потому, что такой вопрос перед ними просто не возникает.

Тиви, населяющие острова Мелвилл и Батерст, расположенные к северу от Арнемленда, еще в конце 20-х годов вели традиционный образ жизни, который позднее был нарушен. В то время локальные группы были основой их общественной организации. Дети от рождения принадлежали к группе отца. Имелись также матрилинейные тотемические роды. Представители одного матрилинейного рода находились в различных локальных группах, и каждая группа состояла из людей разных родов. Брак был обычно вирилокальным. Всего на островах насчитывалось девять локальных групп, каждая из которых занимала до 320 кв. км и насчитывала от 100 до 300 человек. Границы общинной территории были

хорошо известны каждому, и община рассматривала ее как «свою страну». Нарушение границ без разрешения собственников территории вело к серьезным столкновениям между группами. Хотя каждый тотемический род, по представлениям тиви, был связан с определенной местностью, «родовым центром», К. Харт, один из первых исследователей тиви, подчеркивает, что не роды, а именно локальные группы владели землей. Однако члены общины жили вместе лишь в течение непродолжительного времени. Условия охотничье-собираческого хозяйства заставляли их периодически рассеиваться по своей территории небольшими группами, состоящими из членов индивидуальной семьи: мужа, его жены или нескольких жен, их детей, а иногда также неженатых родственников. Впрочем, община и составляющие ее семьи всегда связаны у австралийцев неразрывными узами, и после вынужденного кочевания по общинной территории семьи стремятся вновь воссоединиться; это относится и к тиви. Существовали у тиви и подразделения общины, состоявшие из нескольких семей. Эту форму социальной организации К. Харт и А. Пиллинг называют хозяйством (establishment). Под этим термином, пишут они, «мы понимаем группу, совместно производящую и потребляющую пищу»¹⁸. Возможно, это то, что я предлагаю называть хозяйственной группой — частью общины, состоящей в зависимости от времени года и иных временных обстоятельств из одной или нескольких семей, совместно добывающих средства существования. Говоря об одной из таких групп, включавшей три большие семьи, К. Харт и А. Пиллинг отмечают: «Экономически это было одно хозяйство, так как шестнадцать жен, из которых оно состояло, работали коллективно и пища, которую они приносили, потреблялась всеми тридцатью двумя его членами»¹⁹.

По словам К. Харта и А. Пиллинга, многоженство у тиви имеет экономическое значение: на нем покоится благосостояние семьи. Пища, собираемая женщинами, количественно преобладает над продуктами мужской охоты и добывается более регулярно. Впрочем, это характерно и для всей остальной Австралии. Особенностью тиви было то, что в пределах общинных территорий, по сведениям К. Харта, нередко выделялись владения больших семей, передаваемые по наследству по мужской линии. Видимо, большие семьи тиви можно рассматривать как подгруппы или подобщины: некоторые из них стабилизировались подобно общинам и приняли на себя некоторые их функции и права, в том числе право собственности на охотничье-собираческие угодья. Здесь наблюдается начало процесса дробления общины. И это неудивительно, если учесть, что размеры общин у тиви необычно крупные для Австралии, так же, как у валбири, населяющих пу-

стывшие области Центральной Австралии. Это племя в 50-х годах изучал М. Меггитт²⁰. Его исследование, подобно исследованию И. Фалькенберга, является в известной мере реконструкцией прошлых отношений, основанной на сведениях, полученных от самих аборигенов. Племя валбири делилось на четыре части, которые Меггитт называет общинами. Каждая из них насчитывала от 200 до 400 человек, территория составляла от 11 тыс. до 24 тыс. кв. км. Состав и границы территорий этих общин были более или менее постоянными. Члены каждой общины свободно передвигались по своей земле в поисках пищи.

В наиболее благоприятное время года — с наступлением осени и вплоть до начала зимы, когда воды и продовольствия было достаточно, — члены общин объединялись в одну или две большие группы: мужчины охотились, а женщины собирали растительную пищу, ловили небольших животных и заготавливали топливо. Когда воды и пищи становилось мало, эти коллективы распадались на более мелкие группы. И те и другие можно бы назвать хозяйственными группами. Наконец, в самое трудное, засушливое время года — в конце весны и начале лета — типичная хозяйственная группа (по терминологии М. Меггитта, «объединение, добывающее пищу») состояла фактически из одной индивидуальной семьи. Только такая минимальная группа могла обеспечить себя пищей в это время года. С началом сезона дождей эти группы мало-помалу снова объединялись. Их состав был неустойчив и непостоянен. В отличие от хозяйственных групп, общины были сравнительно постоянными, стабильными объединениями. Между общиной и семьей как между двумя полюсами располагались хозяйственные группы, численность и состав которых менялся в зависимости от времени года и других обстоятельств. Таким образом, материалы М. Меггитта рисуют общественную структуру, типичную, как мы полагаем, и для других охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ.

Мужчины каждой общины валбири принадлежали к ней по рождению, тогда как их жены нередко приходили из других общин. Однако, по наблюдению М. Меггитта, браки внутри общин происходили чаще, чем браки между членами разных общин. Общинной экзогамии не было, да это и неудивительно, если принять во внимание необычно крупные для охотничье-собираТЕЛЬСКОГО общества размеры общин. И хотя в остальном валбири обладают всеми типичными признаками охотничье-собираТЕЛЬСКОГО общества, возникает предположение, что существующие в настоящее время общины валбири не вполне оригинальное явление, а в известной мере продукт территориальных и демографических сдвигов, обусловленных колонизацией. Уже к 50-м годам значительная часть

валбири концентрировалась около правительственных поселений и скотоводческих станций. Наличие таких крупных общин особенно необычно в пустынных, засушливых областях Австралии. В пустынях Западной Австралии, например, общины насчитывают, как правило, не более 50 человек. Более крупные общины едва ли смогли бы существовать здесь длительное время, пользуясь лишь продуктами охоты и собирательства. Высказывалось предположение, что четыре общины племени валбири — в действительности подплемена, на которые распалось возросшее племя, хотя полного отделения не произошло²¹. Неизвестно, какой была численность общин валбири в доколониальный период. Возможно, что в то время она не превышала среднего размера, обычного для областей, для которых характерны неблагоприятные природные условия.

Отцовский и материнский роды, или, по выражению М. Меггитта, патрилинии и матрилинии, у валбири сосуществуют. Так как браки заключаются не только внутри общин, но и за их пределами, естественно, что члены матрилиний и патрилиний рассеяны по территории всего племени. Матрилинии не связаны с землей вообще. Наибольшее значение они имеют для женщин, так как мужчины — члены матрилинии выдают их замуж и в дальнейшем защищают интересы женщин. Патрилинии, напротив, имеют большее значение для мужчин, так как, будучи членами патрилинии, они имеют на земле общины общие тотемические центры, где регулярно совершают продуцирующие обряды, направленные на умножение производящих сил природы и самого человеческого общества. Мужчины — члены патрилинии составляют как бы закрытое культовое сообщество, доступное только для посвященных. М. Меггитт подчеркивает, что патрилинии не выполняют никаких экономических функций и не владеют землей.

Б. Спенсер и Ф. Гиллен, изучавшие в конце прошлого — начале нынешнего века общественную организацию соседей валбири, племени аранда, отмечали, что каждая его локальная группа владела определенной территорией, границы которой были хорошо известны аборигенам²². Согласно Т. Стрелову, у западных аранда вся земля была распределена между экзогамными вирилокальными общинами — нджинанга. Их границы были санкционированы раз и навсегда священными мифами, повествующими о странствиях тотемических предков. Но соседние общины, члены которых были связаны брачными узами, могли добывать пищу на землях друг друга. Частично нджинанга совпадали с тотемическими родами, так как все мужчины группы были членами одного рода²³. Этим, вероятно, объяснялась обусловленность их территорий тотемическими

ческой мифологией. Мифологически санкционированные границы имели в прошлом и общины валбюри.

Каждый аранда принадлежал от рождения к локальной группе отца и его тотемическому роду. По словам Т. Стрелова, «каждая локальная группа аранда являлась независимым политическим и религиозным единством, управляемым старейшими... Локальная организация племен, живущих к западу от аранда, была более рыхлой и текучей»²⁴. Т. Стрелов объясняет это тем, что данные племена обитают в более аридной части континента, чем вызвана необходимость расселения на более обширных пространствах. Члены тотемических родов, образующих основу локальных групп аранда, совершали тотемические мистерии. Одни из них были ответственны за дождь, другие — за прирост растений или животных. Это была своего рода тотемическая кооперация, основанная на разделении труда между представителями всех локальных групп племени. Религиозные главы аранда были не только хранителями мифов, священных песен и преданий, руководителями обрядов, совершавшихся вблизи тотемических центров, но и обладали в своих локальных группах реальной властью, в частности контролировали распределение продовольственных ресурсов. Вместе с тем их власть была ограничена советом старейших²⁵. У австралийцев, как и у тасманийцев, существовали, следовательно, вожди локальных групп, авторитет их определялся религиозно-обрядовыми функциями, которые они выполняли.

О. Пинк пишет, что аранда точно знают расположение тотемических центров, но границы общинных территорий «теряются в ничьей земле»²⁶. Это противоречит утверждениям Б. Спенсера и Ф. Гиллена. Дж. Бердселл объясняет подобное расхождение точек зрения тем, что О. Пинк изучала аранда через 50 лет после начала колонизации и локальные группы исчезли, в то время как тотемические центры все еще сохранялись²⁷. Возможно, что это и соответствует действительности, однако считать, что причиной неопределенности границ локальных групп является колонизация, во всех случаях нельзя, подобное явление может быть связано с другими факторами, например низкой плотностью населения в пустынных областях Центральной и Западной Австралии, недостаточной экономической освоенностью и существованием еще не освоенных пространств, слабыми связями между соседними группами и т. д. У северных аранда, которых изучала О. Пинк, до недавнего времени сохранялся обычай после сильных дождей перекочевывать группами (до 100 человек), состоящими из нескольких соседних общин, на север, за пределы своих территорий, туда, где в это время года изобилие воды и пищи.

То же самое наблюдалось и в племени питьяндьяра, живущем в Центральной Австралии: соседние общины, покинув свои земли, совместно кочевали в течение нескольких недель, пока наконец не расселивались небольшими хозяйственными группами. У питьяндьяра каждая локальная группа имела, по выражению А. Енгояна, ядро, состоящее из женатых мужчин, связанных общим происхождением по отцовской линии, иначе говоря, родовое ядро. Жены приходили из других групп. Мужчины локальной группы и их дети принадлежали к одному тотемическому роду, жены — к другому. Все племя делилось на две экзогамные половины; брак разрешался только с членами противоположной половины. Каждая локальная группа осваивала определенный участок племенной территории. Время от времени локальные группы встречались для совместных обрядов посвящения или тотемических мистерий и возобновления межгрупповых и межличностных контактов. Сходились они и у водоемов во время засухи. Неженатые мужчины на какое-то время присоединялись к другим группам, но затем возвращались обратно. Все питьяндьяра рассматривали территорию своего племени как «свою страну», отличая ее от земель соседей, например аранда. В пределах племенной территории находились земли крупных общностей, объединявших каждая несколько локальных групп (своего рода подплемен), которые аборигены также считали «своей страной». Видимо, возникновение подплемен у питьяндьяра связано с ростом племени и расширением границ его территории, подобно тому как это, возможно, произошло у валбири. У питьяндьяра эти общности имели не столько структурный, сколько географически или пространственно обусловленный характер. В пределах территории подплемен находились локальные группы, включавшие от 20 до 70 человек, такая численность обычна для сухих областей Австралии. Состав их был до некоторой степени неустойчивым, но патрилинейное родовое ядро являлось структурным костяком каждой локальной группы, а локально-групповая экзогамия и вирилокальность — неотъемлемыми свойствами этих групп²⁸.

Тем, что питьяндьяра населяют пустыню, во многом объясняются особенности их территориальности. Как свидетельствует Ч. Маунтфорд, границы племенной территории были и остаются неопределенными. Аборигены рассматривают землю племени не как строго очерченную территорию, а как совокупность небольших, четко определенных охотничьих участков, на каждом из которых обитает немногочисленная локальная группа, состоящая из кровных родственников и свойственников. Обычно локальные группы добывают пищу в своей местности, но если люди страдают от недостатка пищи

и воды, соседи приглашают их жить и добывать пищу на их землях, пока не минует тяжелое время²⁹.

В начале 60-х годов Д. Томсон сообщил о биндибу — одном из наиболее изолированных племен Центральной Австралии, не затронутом влиянием колонизации, чрезвычайно архаичном, приспособившем всю свою примитивную культуру и общественный быт к жизни в труднейших условиях пустыни³⁰. Биндибу были рассеяны по территории племени небольшими локальными группами (обычно в две-три семьи), которые кочевали от стойбища к стойбищу. Некоторые стойбища на протяжении нескольких дней, а то и недель служили базами, из которых люди уходили на расстояние в несколько дневных переходов, а затем возвращались. Одна из общин состояла из трех или четырех семей и насчитывала 15—16 человек. В стойбище каждая семья располагалась отдельно от других и сохраняла известную хозяйственную самостоятельность, которую, однако, не следует преувеличивать. Семьи помогали друг другу, дети нередко покидали родителей и присоединялись к другим семьям. Интересы общины и семьи находились в гармонии. Порою семьи добывали пищу самостоятельно, а иногда мужчины и женщины общины уходили на поиски добычи двумя группами: мужчины отдельно, женщины отдельно. Деление на хозяйственные группы и некоторая хозяйственно-бытовая самостоятельность семей сочетались здесь с половым разделением труда внутри общины.

Ущелье, по дну которого протекает ручей, являлось святилищем, куда периодически сходились разрозненные группы биндибу. При Д. Томсоне здесь собралось 42 человека, однако из его сообщения неясно, были ли это представители нескольких общин или одной общины. Неподалеку от каждого стойбища располагался лагерь для неженатых мужчин и мальчиков, не прошедших обрядов посвящения. Днем здесь находились и другие мужчины группы. Есть основание предполагать, что такое пространственно-бытовое отделение мужчин и подростков является стадially исходной формой мужских домов и мужских союзов, свойственных более развитым культурам. Биндибу, как и многим другим австралийским племенам, известно многоженство; браки заключались в строгом соответствии с определенными правилами. Вождей у биндибу не было, но отдельные мужчины благодаря своим личным качествам занимали в своих локальных группах доминирующее положение.

Локальные группы в пустынях как Западной, так и Центральной Австралии состоят из мужчин и незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, а также жен, приходящих из других групп. Локальные группы патрилинейны: принадлежность к ним передается по отцовской ли-

нии. Каждая группа насчитывает обычно не более 50 человек. Географические условия западноавстралийских пустынь таковы, что лишь небольшие коллективы, которые к тому же не задерживаются слишком долго на одном месте, могут обеспечить себя пищей. Группе принадлежит участок земли, который связывается с деяниями и странствиями мифических предков. Локальные группы, как правило, добывают пищу на своей территории, они независимы от других групп и самостоятельно решают свои дела. Лишь в периоды относительного изобилия пищи и воды несколько локальных групп объединяются на непродолжительное время для совершения обрядов. Такие временные объединения насчитывают иногда 200—300 человек. В периоды засух локальные группы на протяжении нескольких месяцев находят убежище на территории соседей, обитающих в более благоприятных условиях, за сотни километров от них³¹. Гостеприимство — закон у аборигенов, к тому же многие группы связаны общими мифами и верованиями. Локальным группам не запрещено добывать пищу на землях других групп, нельзя лишь приближаться к культовым центрам чужого рода. Члены тотемических родов рассеяны по разным локальным группам³². Несколько локальных групп образуют общности, говорящие на относительно однородном языке, — рудиментарные племена или протоплемена. Здесь мы наблюдаем истоки образования племени как этнической общности и социального института.

Для аборигенов, живущих в пустынях Западной Австралии, характерны постоянные переходы от концентрации групп в местах, изобилующих водой и пищей, к рассеянию отдельными семьями вблизи индивидуальных источников воды. Группы в зависимости от условий то увеличиваются до ста и более человек, то сокращаются до 10—12. Эта текучесть не столько обусловлена сменой времен года, сколько связана с капризами погоды, выпадением дождей в пустыне. Поэтому группы разной численности могут быть одновременно обнаружены в разных районах³³.

Аборигены Юго-Западной Австралии зимой и весной охотились, расселяясь мелкими группами в глубине континента, а летом возвращались на побережье и, объединяясь в более крупные коллективы, занимались в основном рыболовством³⁴. Это очень напоминает образ жизни охотников и рыболовов другой части света — полярных эскимосов, хотя природные условия, в которых живут эскимосы и аборигены Австралии, совершенно различны.

Изучая карадьеры (Кимберли), Р. Пиддингтон обнаружил, что этому племени несвойственны запреты на охоту в местностях, принадлежащих другим группам, без разрешения последних. Локальные группы карадьеры (каждая состоит не

более чем из двенадцати человек) свободно охотятся на территории любой другой группы. Хотя они и связаны с определенными участками территории племени, но их право собственности на эти участки не является абсолютным: верховным собственником земли выступает племя в целом. Локальные группы карадьерн экзогамны; вступив в брак, женщина обычно переходит в группу мужа. Тотемические роды патрилинейны. Нередко в одной локальной группе находятся мужчины разных родов³⁵.

Племя вик-мункан (полуостров Кейп-Йорк), согласно У. Макконнел, состояло из тридцати локальных групп, основу каждой из них составлял локализованный патрилинейный род. Локальные группы занимали территорию от 80 до 160 кв. км. Большую часть года локальные группы жили и добывали пищу на своей собственной земле. Но так как наличие продовольственных ресурсов менялось от места к месту и от сезона к сезону, принцип взаимности действовал и здесь: в периоды изобилия было принято приглашать родичей из других групп. Охотники двух соседних групп, члены которых постоянно заключали браки между собой, охотились на землях друг друга (на землях своих отцов и матерей). Мужчина имел право охотиться на земле родичей жены, а она, в свою очередь, на его земле³⁶.

Племя йир-йоронт (полуостров Кейп-Йорк), изученное Л. Шарпом³⁷, состояло из 28 патрилинейных экзогамных родов, которые, как и другие племена Австралии, имели собственные тотемические центры на территории племени. Локальные группы включали представителей разных родов — как женщин, так и мужчин. Локальность брака имела альтернативный характер. Первые годы брака семья жила обычно с родителями жены, в дальнейшем — или с родителями жены, или с родителями мужа. В сухое время года локальная группа собиралась вместе, а в период дождей распадалась на группы меньшего размера, которые мы назвали бы хозяйственными. По словам Л. Шарпа, земля находилась в собственности родов, но люди охотились там, где хотели, так как родовые угодья были открыты для всех. Правильнее говорить, однако, не о родовой, а о локально-групповой, или общинной, собственности на землю, ибо тот же Шарп пишет, что представители одного и того же рода были рассеяны между разными локальными группами, никогда не жили вместе и добывали пищу не только на «своей» территории. В чем же выражалась родовая собственность на землю? По-видимому, и здесь она не имела экономического содержания.

Л. Шарп указывает, что многие роды имели по несколько участков земли в разных частях территории племени. Если участки эти экономически осваивались одной и той же

или разными локальными группами, то и в этих случаях следует говорить не о родовой, а о локально-групповой, или общинной, собственности. Данный пример не является единственным в литературе об охотниках и собирателях. Общинная собственность на несколько удаленных один от другого участков земли, дающая возможность общине пользоваться различными видами продовольственных ресурсов в разное время года, известна, например, айнам токапчи³⁸.

Племя кайадильт (остров Бентинк в заливе Карпентария) в 1942 г. насчитывало 123 человека и состояло из восьми вирилокальных и патрилинейных локальных групп, от 7 до 30 человек каждая. Размеры групп были обусловлены экологически. В собственности каждой группы находилась определенная территория, границы которой были достаточно четкими и хорошо известными³⁹. Кайадильт до сравнительно недавнего времени находились в почти полной изоляции и последними на севере Австралии вступили в контакт с европейцами, поэтому реконструкция их общинной структуры представляет особый интерес. Заслуживает внимания то, что именно в этом племени значение общины как ведущей социально-экономической ячейки было очень велико. Община выступала здесь в качестве основного социального инструмента экономического освоения определенной территории.

Уже из этих примеров видно, что австралийская локальная группа, или община, является основной территориальной и социально-экономической ячейкой общества. Повсюду в Австралии общины обладают некоторыми общими структурными признаками: они состоят из семей и распадаются на хозяйственные группы. Как территориальная ячейка община важнее, чем племя, которое у австралийцев представляет собой довольно аморфную совокупность локальных групп, говорящих на одном языке. Локальные группы одного племени собираются вместе от случая к случаю и значительную часть года вообще не видят друг друга. Экономическое освоение определенной территории осуществляется главным образом на уровне и посредством локальной группы. Хозяйственные группы не самодовлеющие общности, это лишь форма существования локальной группы в определенных экологических условиях. То же относится и к семьям, существование которых вне локальной группы обусловлено теми же факторами и ограничено во времени.

Приведенные выше материалы показывают, что общину (локальную группу) и род не следует отождествлять. Общности эти хотя и тесно связаны, но не совпадают полностью даже там, где род локализован и основу локальной группы составляют люди одного рода, подобно двум кругам, наложенным один на другой частично. Любая локальная группа

включает представителей по крайней мере двух родов, так как локальная группа состоит из семей, а мужья и жены в силу закона родовой экзогамии принадлежат к разным родам. Соответственно различны и функции этих двух общественных форм. Поэтому отношение рода к территории является не экономическим, как это свойственно локальной группе, а тотемическим. Для общины земля выступает как экономическая основа ее существования, членов рода интересуют, главным образом, тотемические центры, находящиеся на этой земле,— священные средоточия тотемического культа. Не только они сами, но и представители других родов хорошо осведомлены о расположении их тотемических центров, и посторонние избегают приближаться к ним. В отличие от общины, род фактически не имеет своей территории, даже если его члены и рассматривают определенную местность как собственность рода, потому что на ней находятся тотемические центры.

Австралийцы верят в существование родственных уз, связывающих членов тотемического рода с их тотемическими центрами, в которые в мифологическое «время сновидений» воплотились их тотемические предки. Каждое такое святилище, по представлениям австралийцев,— место обитания «сновидения», предка, превратившегося здесь в скалу, дерево или водоем. Считая, что они ведут происхождение от этих предков по мужской линии, аборигены глубоко почитают эти места, которые до сих пор играют важную роль в их жизни. В пустынях Западной Австралии вблизи тотемических центров расположены выходы камня, служащего для изготовления орудий. Члены тотемических родов рассматривают и камень, добываемый здесь, как священный, ведь это частица их тотемического предка, а следовательно, и их собственной тотемической сущности⁴⁰. Вследствие этой тотемической системы каждый абориген входит в группу сородичей, связанную священными узами с той или иной местностью. Но это не локальная группа, или община, а род, или патрилиния, как иногда называют группу сородичей. Связь члена тотемического рода с землей — это связь с предками, людьми его рода. Связь между человеком и его землей — это также связь между отцом и ребенком. Земля, принадлежащая роду,— это и земля отца каждого члена рода, его предков, людей его рода. Но связь эта мистически, религиозно окрашена. Мужчины — члены рода, или патрилинии, образуют культовое сообщество; только им дозволено совершать обряды у их тотемических центров, они являются хранителями этих святилищ и связанных с ними тотемических мифов. Полный миф о тотемическом предке, чей путь пролегал через земли многих тотемических родов, поделен как бы на части между ни-

ми. Эти мифы о путешествиях тотемических героев, возможно отражающие заселение и освоение континента, связывают между собой отдаленные племена и локальные группы. События, которые произошли в какой-то местности и рассказ о которых хранят, передают из поколения в поколение и воспроизводят в драматизированной форме местные абортены, являются только звеном в цепи, которая и составляет полный миф. Люди, земля и мифы у австралийцев связаны между собой⁴¹.

Однако сама земля, на которой расположены тотемические центры, экономически осваивается всей общиной, а не только членами рода. Все члены общины независимо от того, к какому роду они принадлежат, имеют равные права на природные богатства этой территории. Различия в правах на продукты охоты или собирательства, существующие внутри общины, определяются принадлежностью не к роду, а к тем или иным половым и возрастным группам, из которых состоит община. Земля, на которой какая-либо община имеет преимущественное право охотиться, собирать растительную пищу, добывать сырье для орудий, находится в ее собственности, так как иной формы реализации права собственности в экономическом смысле первобытное общество не знает.

И. Фалькенберг, например, пишет о том, что у муринбата территории общин включают в себя и так называемые родовые территории, на которых расположены тотемические центры соответствующих родов. Тотемические центры и родовые территории имеют чисто ритуальное, магико-религиозное значение, тогда как территории общин, являющиеся источником средств существования, имеют экономическое значение. Смешивать или противопоставлять их друг другу не следует.

Некоторые исследователи понимают это. Так, У. Станнер различает две категории земельных владений, с которыми связана каждая территориальная группа (община) австралийцев. Первую он называет «владением» (estate). Это земля патрилинейного рода, образующего ядро общины, по-видимому, то, что И. Фалькенберг определяет как «территорию рода». Следует заметить, впрочем, что только локализованный род может образовать ядро общины; существуют, однако, общины, состоящие из представителей нескольких (более двух) родов. Вторую категорию земельных владений У. Станнер обозначает термином «область», «пространство» (range), имея в виду всю землю, на которой община охотится и занимается собирательством. Вторая категория обычно включает в себя и первую. Вместе они образуют то, что Станнер обозначает термином «domain»⁴². Первая категория земельных владений обусловлена ритуальными, или тотемическими, связями с землей, вторая — экономическими.

В ранних источниках об австралийцах, относящихся к XIX в., можно часто встретить утверждение, что собственность на землю имела у австралийцев индивидуальный характер, что участки земли принадлежали отдельным абorigенам и передавались по наследству от отца к сыну. Об этом писали такие авторитетные исследователи, как Дж. Грей, Дж. Лэнг, Эд. Эйр и многие другие⁴³. Но было ли это собственностью в экономическом смысле? Близко к ответу на этот вопрос подошел уже Р. Броу Смит. Он писал: «Хотя земля, занятая племенем, была общей собственностью этого племени, которое охотилось и собирало растительную пищу на этой территории, существовали не вполне ясные (*obscure*) личные права собственности на отдельные ее участки... Неизвестно, была ли эта индивидуальная собственность на землю собственностью в обычном смысле слова... Абориген, рожденный в какой-либо местности, рассматривал ее как свою собственность, а если другой абориген родится в этом же месте, то он обычно делит право собственности с первым»⁴⁴. Очевидно, индивидуальная собственность на землю не была экономической по своему содержанию (земля была собственностью коллектива, который добывал на ней средства существования и который Р. Броу Смит называет племенем), а какой-то иной, скорее всего, тотемической, по предположению Г. Ф. Хрустова⁴⁵, так как связывалась с представлением о происхождении человека, члена патрилинейного рода.

Многие австраловеды считают, что локальные группы австралийцев в большинстве своем были патрилинейными и вирилокальными. А так как в вирилокальных общинах мужчины являются постоянными членами общины и, вступая в брак, не уходят и не приходят, как женщины, они образуют культовое сообщество, связанное с традиционными местными святынями. Вот почему на мужчин — членов тотемического рода возлагается задача обеспечивать общину пищей, не только добывая ее на охоте, но и участвуя в магико-тотемических обрядах умножения животных и растений — источников пищи и даже обрядах убар, марайин и кунапипи, совершаемых в честь Матери-земли, Матери плодородящей⁴⁶.

Территориальность — в смысле тотемической связи с территорией и тотемическими святилищами на ней — связана у австралийцев с отцовским родом. Материнский род имеет иные функции. Вот почему оба рода — отцовский и материнский — у австралийцев часто представлены в одной и той же группе.

Австралийское общество основано на разделении труда между мужчинами и женщинами. 70% продуктов собирательства добывается женщинами, 98% продуктов охоты и 60%

продуктов рыболовства — мужчинами⁴⁷. Выходя замуж и приходя в вирилокальные общины из других общин, женщины становятся экономически равноправными членами нового коллектива. По мнению К. Берндт, женщины подчинены мужчинам лишь в религиозно-культурной сфере, но независимы и равноправны в сфере экономической⁴⁸. Собираемая женщинами растительная пища занимает в питании аборигенов значительное место, следовательно, экономическая роль женщин не менее важна, чем роль мужчин. Значение труда женщин особенно велико в тропических областях, где растительная пища добывается в изобилии и количественно нередко преобладает над мясной. Так, женщины Арнемленда добывают от 60 до 90% всей пищи⁴⁹. Нет оснований утверждать, что земля находится в собственности лишь части общины, ее родового ядра. Она принадлежит всему трудовому коллективу в целом.

Доминирующее положение мужчин в традиционном австралийском обществе объясняется различными факторами. Один из них — преобладающая вирилокальность брака. В Австралии известны случаи временной и даже постоянной уксорилокальности и амбилокальности, но вирилокальность решительно преобладает. Даже там, где был распространен матрилинейный род, общины были вирилокальными, об этом свидетельствуют, в частности, сообщения Файсона и Хаутта, относящиеся к племенам Юго-Восточной Австралии, или Харта и Пиллинга — к тиви. В свою очередь, через вирилокальность действуют такие факторы, как экономика и тесно связанная с ней экология. Приведем лишь один пример подобной обусловленности вирилокальности. В аридных областях Австралии, где выживание группы зависит от ее способности найти воду, пищу и кров, мальчики, проходящие инициацию, обязаны запомнить и повторить в правильной последовательности названия всех источников воды, находящихся в распоряжении группы, и доказать способность успешно охотиться на ее территории⁵⁰. С точки зрения членов общины, необходимо, чтобы будущие охотники, сдав этот экзамен, оставались на своей земле. А это укрепляло их солидарность и в дальнейшем усиливало руководящее положение внутри общины.

Выражением социального доминирования мужчин является их руководящая роль в религиозно-обрядовой сфере, которая, в свою очередь, идеологически закрепляет, санкционирует их положение в обществе. Женщины, правда, имеют свои собственные обряды, «женские» культы, но они предназначены лишь для женщин, тогда как обряды, совершаемые мужчинами, призваны обеспечивать благосостояние всего общества. Согласно традиционному представлению аборигенов эти обряды более важны, чем само добывание пищи, успешность которого в значительной мере зависит от правильного

и своевременного выполнения мужчинами всех требований культа.

С точки зрения соотношения с родом австралийские общины делятся на два типа: 1) общины, в которых один локализованный род, т. е. род, расселенный на сравнительно компактной территории, составляет ядро общины; к нему примыкают люди, пришедшие после заключения брака из других общин и принадлежащие к другому роду (или родам); 2) общины, в которых отсутствует ядро, состоящее из представителей локализованного рода; они включают представителей нескольких родов, как женщин, так и мужчин. Общины первого типа можно назвать локально-родовыми, второго — гетерогенными. Не исключено, что исторически локально-родовые общины предшествовали гетерогенным, но это лишь логическое допущение. Оно основывается на предположении, что родовая организация возникает внутри экзогамных общин и на их основе. Поэтому первичная общинно-родовая структура могла быть такой:

Экзогамная община → локализованный род.

Две экзогамные общины → два взаимобрачающихся локализованных рода.

Исходя из этого, можно допустить, что гетерогенные общины представляют собой более позднее усложнение элементарной первичной структуры. Однако фактическими данными, подтверждающими эту гипотезу, мы не располагаем. В XIX—XX вв., когда австралийцы стали объектом этнографического изучения, гетерогенные общины с точки зрения ведущих социально-экономических признаков не представляли собой стадияльно более позднего этапа развития первобытной общины, чем общины локально-родовые. И те и другие существуют в этнических общностях или племенах одного и того же народа не только в Австралии, но и за ее пределами. Общности эти по таким принципиально важным признакам, как уровень развития производительных сил и производственных отношений, не отличаются друг от друга. Далеко не всегда видно также, чтобы гетерогенные общины находились под воздействием колонизации и связанных с ней явлений в большей мере, чем локально-родовые общины. А поэтому нет оснований считать общины одного типа архаичнее другого. В настоящее время сами по себе формы соотношения общины и рода ничего не говорят об уровне развития общины, о степени ее разложения.

Наше утверждение о том, что в локально-родовых общинах род составляет ядро, костяк, основу общины, не противоречит предположению, что исторически родовая организация возникает внутри экзогамных общин и на их основе. Но укрепившись, род постепенно приобретает все большее

значение как социально-регулирующий институт. Принадлежность к тотемическому роду определяет мировоззрение и поведение австралийцев, мифы и легенды, культы, художественное творчество, их нормативно закреплённые взаимоотношения с другими людьми, в частности, указывает, на ком можно жениться, следовательно, конструирует и саму общину. Вследствие этого своего возросшего значения род начинает рассматривать себя собственником не только святынь и тотемических центров, но и самой земли, на которой они расположены и с которой члены рода из поколения в поколение связаны мистическими узами перевоплощения. Но такая «собственность», как ни велико ее значение в жизни австралийца, не является собственностью в экономическом смысле слова.

Община и род — два важнейших социальных института в жизни австралийца, мужчины и женщины. Следует сказать, однако, что различие этих двух фундаментальных институтов складывалось в науке постепенно. В австраловедении впервые оно было намечено в работах А. Хауитта, но первым достаточно четко его сформулировал А. Рэдклиф-Браун в 30-х годах. А без этого предварительного условия не могло быть и серьезного изучения общины. Вот почему оно началось так поздно.

Реконструкция общественной организации австралийцев, принадлежащая Рэдклиф-Брауну, в целом, вероятно, ближе к первоначальному ее состоянию, чем реконструкции его оппонентов. Сравнительно небольшая локальная группа, собственница определенной территории со всеми ее ресурсами, вирлокальное объединение семей, ядро которого составляли родившиеся в ней мужчины, и была, видимо, ведущей общественной формой австралийского доколониального общества, наиболее типичной моделью его общинной структуры. Однако концепцию А. Рэдклиф-Брауна не следует абсолютизировать. Она не может иметь универсального значения и отражает лишь ведущую тенденцию. Трудно представить, чтобы такая модель была единственной формой австралийской общины, действовавшей в любых условиях. Пластичность, гибкость, внутренняя изменчивость первобытной общины, ее приспособляемость к меняющимся условиям — вот что было причиной необычайной устойчивости этого института и что позволило обществу первобытных охотников и собирателей сохраниться в любой, самой неблагоприятной экологической среде, пережить всевозможные потрясения социального и природного характера, которые начались отнюдь не с европейской колонизацией. Именно эти черты общины и сделали ее ведущей общественной формой первобытнообщинного строя. Даже если гетерогенные общины возникали лишь в кризисных ситуациях, являясь как бы реакцией на них общества,

меняющего свою структуру в соответствии с изменившимися условиями, несомненно, что подобные ситуации возникали в жизни австралийцев и других первобытных обществ на протяжении всей их истории, а следовательно, не могли не появляться и общины подобного типа. Но и гетерогенные и локально-родовые общины одинаково оставались социально-экономическим базисом первобытного охотниче-собираательского общества.

Факты показывают, вопреки утверждениям А. Рэдклиф-Брауна, что общины обмениваются не только женами, но и другими мужчинами и женщинами на основе дружбы, родства, взаимных обязательств. Хорошо известны случаи, когда отдельные люди убегают из своей общины и своего племени, чтобы избежать наказания за нарушение общественных норм, а другие общины предоставляют им убежище. Вообще австралийцам, да и другим охотникам и собирателям свойственно увеличивать размеры общин настолько, насколько это позволяют естественные ресурсы осваиваемых ими территорий. Видеть во всем этом какое-то нарушение первоначальных норм нет никаких оснований. Несмотря на все сказанное, общины остаются сравнительно устойчивыми социальными организмами.

Не следует абсолютизировать и общинную собственность на землю. Хотя связь с определенной территорией и является одной из экономических основ общины, факты показывают, что реализация этой возможности принимает различные формы в различных условиях. Границы общинных территорий могут быть более и менее определенными или довольно зыбкими, соседние общины могут добывать пищу на землях друг друга в периоды изобилия пищи на территории одной из общин не обязательно с разрешения собственников земли, а согласно обычному праву. Соседние общины нередко участвуют в совместных охотах, во время засухи одна община на протяжении многих месяцев находит убежище на территории другой общины, живущей в сотнях километров от нее,— все зависит от меняющихся условий и исторически сложившихся традиций, и видеть в этом симптом разложения, связанного с колонизацией, нет оснований.

Обусловленность локально-групповой организации естественно-географической средой выражается в том, что в пустынных областях Австралии плотность населения низка, территории локальных групп обширны, границы их сравнительно аморфны, а сами группы ведут подвижный, кочевой образ жизни. В пустынях Центральной Австралии «необходимо до 200 кв. миль территории, чтобы поддержать жизнь одного человека. В таких условиях жить можно только небольшими группами, постоянно кочующими в поисках пищи. И в обыч-

ных ежегодных передвижениях по своей земле они меняют сотни стойбищ и проходят тысячи миль»⁵¹. В более благоприятных климатических зонах, особенно на морских побережьях и по берегам крупных рек, плотность населения выше, территории локальных групп меньше, границы их выражены более четко, а группы нередко ведут полуседлый образ жизни. Должна же быть разница в характере приспособления общества охотников и собирателей к жизни где-нибудь в «мертвом сердце» Австралии, где осадков выпадает за год в среднем менее 127 мм, и в долинах и устьях больших рек юго-востока, одной из самых благоприятных в природном отношении областей континента, изобилующей всевозможной дичью, рыбой и растительной пищей. Всему этому соответствует и средняя численность общин. Так, в пустынях она составляет 25 человек, а в хорошо орошаемых прибрежных областях — от 50 до 100 человек⁵². В Австралии наблюдается сравнительно высокая степень корреляции между площадью входящих в племя общин, а соответственно и племени в целом и всем комплексом факторов естественной среды. К началу колонизации континента здесь жило не менее 700 племен, территории которых достигали 230 кв. км в наиболее плодородных областях континента и 64 тыс. кв. км в зонах пустынь; средняя численность племени была 500 человек. Такая же степень корреляции существует и между условиями естественной среды и плотностью населения. Еще в 1846 г. Дж. Ирл обратил внимание на то, что количество населения той или иной местности соответствует количеству произрастающих здесь съедобных растений. Н. Тиндейл отмечает, что это справедливо лишь для внутренних областей Австралии, на морском побережье плотность населения зависит от количества продуктов морского промысла, который является здесь главным источником пищи. И если на юге Австралии, даже в хорошо орошаемых областях, плотность населения не поднималась выше одного человека на 3,5 кв. км, то на морских побережьях она составляла более 8 человек на 1,5 кв. км. Это объясняется относительным обилием пищи у жителей побережья⁵³. Так же коррелированы условия среды и относительная определенность общинных и племенных границ.

Собственность на землю имеет порою иерархический характер, и над общинными территориями возвышается собственность на землю всего племени как совокупности общин. В таких случаях вся территория племени со всем разнообразием ее природных ландшафтов и продовольственных ресурсов осваивается его отдельными общинами как их общая кормовая область.

Но при всем многообразии форм реализации территори-

альности она остается основой общинной организации. В более продуктивных областях континента, и соответственно населенных плотнее, общинная территориальность выражена в более определенных и жестких формах, чем там, где естественные ресурсы скудны, а плотность населения низка. Указанная закономерность и другие отмеченные выше явления имеют вполне традиционный для австралийского охотничье-собираательского общества характер. Нормы первобытного общества не являются незыблемыми, они дают возможность обществу приспосабливаться к меняющейся ситуации, закрепляя затем нововведения как новые нормы. И это было свойственно первобытному обществу всегда: иначе его развитие прекратилось бы, оно попросту не смогло бы выжить.

Жизнь охотников и собирателей настолько пронизана активным приспособлением к смене времен года, к разным видам добываемой при этом пищи, образ жизни и занятия, оружие, орудия и утварь одной и той же группы в эти периоды порою настолько различны, что, по словам Д. Томсона, посторонний свидетель, наблюдая одну и ту же группу в разное время года, может подумать, что перед ним различные группы⁵⁴. Например, аборигены, живущие у истоков реки Ливерпул, в период дождей сооружали большие хижины, предназначенные для оседлой жизни на плоскогорье, но в сухое время года покидали их и бродили, охотясь, в долине⁵⁵.

Межобщинные связи по браку образуют в Австралии сеть устойчивых отношений, дающих возможность общинам и отдельным семьям охотиться, находить помощь и убежище на землях соседей⁵⁶. Межобщинный обмен имеет не только экономическое, но и социальное содержание. Он связывает и объединяет разрозненные локальные группы, являясь, таким образом, проявлением межгрупповой солидарности, а это особенно важно в суровых природных условиях, где локальная группа, предоставленная только себе, едва ли смогла бы выжить⁵⁷.

Обмен продуктами охоты, рыболовства и собирательства внутри общины осуществляется, как и межобщинный обмен, согласно закреплённым традицией правилам. Одними из первых нормы распределения охотничьей добычи описали Л. Фэйсон и А. Хаунт⁵⁸. Сначала Хаунт ограничился данными о племени курнаи, а затем осветил нормы распределения пищи и у других племен Австралии⁵⁹. И до сих пор еще, как свидетельствуют материалы Ф. Роуза и Д. Томсона, охотничья добыча распределяется согласно строгим правилам⁶⁰. В то время как охотничья добыча мужчин распределяется не только среди членов общины, но порою даже среди кровных родственников и свойственников, живущих в других общинах, растительная пища, собираемая женщинами, распределяется

главным образом внутри семьи. Известны, впрочем, факты, когда растительная пища распределялась и за пределами семьи, например у некоторых племен Виктории⁶¹. На острове Грут-Айленд растительная пища, добытая женщинами, распределялась между всеми мужчинами группы, причем преимущество имели 35—55-летние мужчины — опытные охотники в расцвете физических сил⁶². Вопреки распространённому мнению об уравнительном характере распределения у охотников и собирателей эта возрастная группа мужчин пользовалась определенным преимуществом и в других местах Австралии. Однако в Кимберли за пределы семьи поступали только излишки растительной пищи, притом распределялись они не согласно правилам, а по собственному усмотрению женщин⁶³.

Австралийская община — социальный институт, главной задачей которого является экономическое освоение определенной территории, форма активной адаптации к ней общества охотников и собирателей. По словам Дж. Бердселла, традиционная австралийская локальная группа не только основной первичный субъект собственности на землю, но и важнейший механизм, приводящий общество в оптимальное соотношение с естественной средой⁶⁴. Такая оценка австралийской общины приобретает особенное значение в связи с тем, что Бердселл пришел к этому выводу после того, как он проанализировал и отделил все то новое, что внесла колонизация в жизнь аборигенов Австралии. По его мнению, и с этим нельзя не согласиться, в доколониальную эпоху локальная группа занимала ведущее место в системе традиционных австралийских социальных институтов.

Отношение между членами общины и их территорией, природной средой представляет собою динамическую систему, стремящуюся к равновесию. Поддерживать это равновесие помогает способность общины распадаться на хозяйственные группы, а затем и отдельные семьи, периодически ведущие экономически самостоятельное существование в соответствии с ритмом, царящим в природе. Оставаясь сравнительно постоянной общностью, община то рассеивается по своей территории или территории племени, то вновь объединяется в зависимости от размещения и количества продовольственных ресурсов, в соответствии с изменениями в экологической среде. Наконец, в определенное время года, в период изобилия, на одном из участков племенной территории собирается несколько общин, чтобы возобновить здесь межобщинные контакты и совершить совместные обряды. Д. Томсон писал, что во время сезона дождей аборигены Арнемленда собирались в стойбища, население которых достигало нередко сотни человек, и всли оседлый образ жизни; в период

сухого сезона они разбивались на небольшие группы, состоявшие из нескольких семей, которые кочевали по территории своей локальной группы⁶⁵.

Австралийское племя является территориально связанной совокупностью нескольких общин, внешний периметр которых и образует его реальные границы. Общины объединяются, как правило, не политической властью, имеющей пусть даже самую элементарную форму, а общим языком, культурным достоянием, традиционными межобщинными связями. И в этом смысле австралийское племя является не только этнической, но и социальной общностью.

Австралийское племя представляет собой самую раннюю стадию в развитии племени как общественного института. Структура его аморфна⁶⁶. Однако как некая социальная общность, возвышающаяся над общинами, оно накладывает печать на сознание австралийца. Экономически и социально австралийцы являются прежде всего членами общины. Социальная структура общины четко выражена. Вместе с тем австралийцы осознают себя не только членами общины, но и членами племени, т. е. существует племенное или этническое самосознание.

Согласно подсчетам Н. Тиндейла, частота межплеменных браков составляет в Австралии в целом примерно 15%⁶⁷. Он полагает, что браки за пределами племени являются у австралийцев не только сравнительно распространенным, но и древним обычаем. Женщины, приходящие из других племен, нередко приносят с собой языки и обычаи этих племен. А ведь браки между определенными группами традиционны, они заключаются из поколения в поколение. С этим и другими факторами связано явление межплеменной лингвистической непрерывности, когда, по словам А. Рэдклиф-Брауна, «трудно сказать точно, где кончается один язык и начинается другой»⁶⁸. Поэтому даже такие критерии единства племени, как общий язык и общее культурное достояние, как справедливо отметил Р. Оуэн, становятся порой сомнительными⁶⁹. Неудивительно, что некоторые исследователи (например, Р. Берндт, Т. Стрелов, Л. Уорнер), говоря об австралийцах, вообще отказываются от термина «племя», так как считают его во многих случаях неадекватным. По мнению Т. Стрелова, не существует, например, единого племени аранда, и даже западные или северные аранда не более чем лингвистические общности. По словам Л. Уорнера, племени мургин (к которому он посвятил свою книгу) не существует даже как лингвистического единства вследствие значительных языковых различий между локальными группами⁷⁰. Все это еще более подчеркивает значение общины как основной социальной общности у австралийцев.

Аборигены Австралии глубоко привязаны к своей земле, к территории общины, и это во многом связано с тем, что здесь расположены их священные тотемические центры, поэтому чувство привязанности к земле, к родине приобретает у них религиозную окраску. Эта мистическая связь с землей имеет не только групповой характер (такова связь рода с его тотемическим центром), но и личный, как, например, связь с местом рождения (у племен, населяющих Западную пустыню) или зачатия (у аранда). И все же, несмотря на эту привязанность, имеющую, несомненно, глубокие исторические корни, австралийцы, как известно, заселили огромный континент, а переселения отдельных групп продолжались на протяжении всей их истории. Х. Петри рассказывает о миграциях западноавстралийских аборигенов группами различной численности, иногда даже отдельных семей в разных направлениях на большие расстояния. При этом аборигены уже не возвращаются обратно. Переселения происходят не только под воздействием контактов с европейцами, но и независимо от них. По мнению Х. Петри, они имели место еще до колонизации. Одна из причин этого явления — вероятно, не единственная — засуха. Переселившись на новое место, аборигены приспособляют свою общественную жизнь к социальной организации местного населения⁷¹.

Австралийская община, как основной социально-экономический институт этого типичного охотничье-собирающего общества, предстает перед нами как ответ общества на вызов естественной среды, как орудие ее преодоления и сохранения общества, как свидетельство торжества человека, стоящего еще на одной из самых ранних стадий материально-технической вооруженности. Австралийцы оказываются не абстрактными существами, конструирующими те или иные формы социальной организации в некоем вакууме (какими их зачастую видят теоретики первобытности), а людьми, нуждающимися в средствах существования и живущими на земле в конкретных исторических и географических условиях, в соответствии с которыми они строят, а при необходимости перестраивают свою общественную структуру. В этом — источник дальнейшего развития общества.

Община относительно стабильна и связана с определенной территорией, которую экономически осваивает. Ее активная адаптация к условиям и требованиям охотничье-собирающего хозяйства осуществляется посредством периодического дробления на динамичные, меняющие свой состав и численность хозяйственные группы, совокупность которых — форма существования общины в меняющихся экологических условиях. Смена центробежных и центростремительных тенденций, колебаний дисперсии и концентрации внутри общины

имет правильный, циклический, экологически обусловленный характер.

Допуская глубокую традиционность и длительное существование общин двух основных типов — локально-родовых и гетерогенных, — необходимо подчеркнуть, что в обоих случаях общины — основные производственные ячейки общества — были в отличие от рода фактическими собственниками земли. А тот факт, что собственность на основное средство производства — землю выступает порой в родовой форме, объясняется тем, что родовая организация по мере своего развития становится социально-регулирующим институтом, принимающим на себя некоторые важные социальные и нормативные функции, а также тем, что тотемическое, религиозно-культовое отношение к территории часто неправильно отождествляют с экономическим. Но собственность на землю, будучи родовой по форме, по существу остается общинной. Отношение общины к земле покоится на принципиально иных основах, чем отношение к ней рода. Земля осваивается всей общиной, а не только членами того или иного рода.

Общины попеременно обмениваются продовольственными ресурсами, предоставляя свою территорию для охоты и собирательства соседям. Эта форма распределенного во времени взаимобмена имеет не только экономическое, но и социальное значение как проявление межобщинной солидарности. Локальные группы образуют общности, говорящие на относительно однородном языке, — протоплемена. В Австралии находятся как бы истоки образования племени как этнической общности и социального института.

Изучение общественного строя коренного населения Австралии имеет большое значение для решения фундаментальных проблем истории первобытного общества. Это относится и к общине — ведущей структурной и социально-экономической ячейке австралийского общества.

¹ L. Fison. A. W. Howitt. On the Deme and the Horde.— «Journal of the Anthropological Institute». 1885, vol. 14, c. 142—143.

² A. Knabenhans. Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen. B.—Lpz., 1919.

³ G. C. Wheeler. The Tribe and Intertribal Relations in Australia. L., 1910, c. 55.

⁴ A. R. Radcliffe-Brown. Notes on the Social Organization of Australian Tribes.— «Journal of the Royal Anthropological Institute». 1918, vol. 48; он же. The Social Organization of Australian Tribes.— «Oceania». 1930, vol. 1; он же. On Australian Local Organization.— «American Anthropologist». 1956, vol. 58.

⁵ L. R. Hiatt. Local Organization Among the Australian Aborigines.— «Oceania». 1962, vol. 32.

⁶ L. R. Hiatt. Kinship and Conflict. A Study of an Aboriginal Community in Northern Arnhem Land. Canberra, 1965, c. 28.

- ⁷ L. R. Hiatt. Local Organization Among the Australian Aborigines, c. 281.
- ⁸ A. P. Elkin, R. M. and C. H. Berndt. Social Organization of Arnhem Land.—«Oceania». 1951, vol. 21.
- ⁹ F. D. McCarthy, M. McArthur. The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life.—«Records of the American-Australian Scientific Expedition to Arnhem Land». Melbourne, vol. 2, 1960.
- ¹⁰ N. B. Tindale. Natives of Groote Eylandt and the West Coast of the Gulf of Carpentaria.—«Records of the South Australian Museum». 1923, vol. 3.
- ¹¹ R. B. Lee, I. DeVore. (eds.). Man the Hunter. Chicago, 1968, c. 148.
- ¹² P. M. Worsley. The Utilization of Food Resources by an Australian Aboriginal Tribe.—«Acta Ethnographica». 1961, issue 10.
- ¹³ W. L. Warner. A Black Civilization. Chicago, 1937.
- ¹⁴ R. M. Berndt. Murngin (Wulamba) Social Organization.—«American Anthropologists». 1955, vol. 57.
- ¹⁵ W. E. H. Stanner. The Daly River Tribes.—«Oceania». 1933, vol. 3; *см. же*. Murinbata Kinship and Totemism.—«Oceania». 1936, vol. 7.
- ¹⁶ J. Falkenberg. Kin and Totem. Oslo, 1962.
- ¹⁷ R. M. and C. H. Berndt. Man, Land and Myth in North Australia. Sydney, 1970, c. 212—216.
- ¹⁸ C. W. M. Hart. The Tiwi of Melville and Bathurst Islands.—«Oceania». 1930, vol. 1, c. 176, 177; C. W. M. Hart, A. P. Pilling. The Tiwi of North Australia. N. Y., 1960, c. 65.
- ¹⁹ C. W. M. Hart, A. P. Pilling. The Tiwi of North Australia, c. 66.
- ²⁰ M. J. Meggitt. Desert People. Sydney, 1962.
- ²¹ J. B. Birdsell. Local Group Composition Among the Australian Aborigines.—«Current Anthropology». 1970, vol. 11, № 2, c. 122.
- ²² B. Spencer, F. J. Gillen. The Arunta. L., 1927, c. 8.
- ²³ T. G. H. Strehlow. Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia.—Aboriginal Man in Australia. Sydney, 1965.
- ²⁴ T. G. H. Strehlow. Geography and the Totemic Landscape in Central Australia.—Australian Aboriginal Anthropology. Nedlands, 1970, c. 99—100.
- ²⁵ *Там же*, c. 110—111.
- ²⁶ O. Pink. The Landowners in the Northern Divisions of Aranda Tribe, Central Australia.—«Oceania». 1936, vol. 6, c. 290.
- ²⁷ J. B. Birdsell. Local Group Composition Among the Australian Aborigines, c. 120.
- ²⁸ A. A. Yengoyan. Demographic Factors in Pitjandjara Social Organization.—Australian Aboriginal Anthropology. Nedlands, 1970, c. 82—83.
- ²⁹ C. P. Mountford. Ayers Rock. Its People, their Beliefs and their Art. Sydney, 1965, c. 3, 18—19.
- ³⁰ D. F. Thomson. The Bindibu Expedition.—«The Geographical Journal». 1962, vol. 128, pt. 1—3.
- ³¹ T. G. H. Strehlow. Culture, Social Structure and Environment in Aboriginal Central Australia, c. 124.
- ³² R. M. Berndt. The Concept of «the Tribe» in the Western Desert of Australia.—«Oceania». 1959, vol. 30.
- ³³ R. A. Gould. Yiwara. Foragers of the Australian Desert. N. Y., 1969; *см. же*. Living Archaeology: the Ngatjara of Western Australia.—«Southwestern Journal of Anthropology». 1968, vol. 24, № 2.
- ³⁴ A. Knabenhans. Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen, c. 41.
- ³⁵ M. and R. Piddington. Report on Fieldwork in North-Western

- Australia.—«Oceania». 1932, vol. 2; R. Piddington. Totemic System of the Karadjeri Tribe.—«Oceania». 1932, vol. 2.
- ³⁶ U. McConnel. The Wik-Munkan Tribe.—«Oceania». 1930, vol. 1; 1934, vol. 4.
- ³⁷ L. Sharp. The Social Organization of the Yir-Yoront Tribe, Cape York Peninsula.—«Oceania». 1934, vol. 4; он же. Ritual Life and Economics of the Yir-Yoront of Cape York Peninsula.—«Oceania». 1934, vol. 5.
- ³⁸ H. Watanabe. The Ainu: a Study of the Ecology and the System of Social Solidarity between Man and Nature in Relation to Group Structure.—«Journal of the Faculty of Sciences, University of Tokyo». Sec. 5, 2(6), 1964.
- ³⁹ N. B. Tindale. Some Population Changes among the Kaiadilt People of Bentinck Island, Queensland.—«Records of the South Australian Museum». 1962, vol. 14, № 2.
- ⁴⁰ R. A. Gould. Living Archaeology: The Ngatjara of Western Australia, c. 107.
- ⁴¹ C. P. Mountford. Ayers Rock. Its People, their Beliefs and their Art; R. M. and C. H. Berndt. Man, Land and Myth in North Australia.
- ⁴² W. E. H. Stanner. Aboriginal Territorial Organization: Estate, Range, Domain and Regime.—«Oceania». 1965, vol. 36.
- ⁴³ D. S. Davidson. The Family Hunting Territory in Australia.—«American Anthropologists». 1928, vol. 30, № 4.
- ⁴⁴ Smyth R. Brough. The Aborigines of Victoria. Melbourne, 1878, vol. 1, c. 146.
- ⁴⁵ Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.—«Советская этнография». 1959, № 6.
- ⁴⁶ R. M. and C. H. Berndt. Man, Land and Myth in North Australia, c. 143—147.
- ⁴⁷ B. Hiatt. Woman the Gatherer.—Woman's Role in Aboriginal Society.—«Australian Aboriginal Studies». Canberra, 1970, № 36.
- ⁴⁸ C. H. Berndt. Digging Sticks and Spears, or, the two-sex model.—«Australian Aboriginal Studies». 1970, № 36.
- ⁴⁹ N. Peterson. The Importance of Women in Determining the Composition of Residential Groups in Aboriginal Australia.—«Australian Aboriginal Studies». 1970, № 36.
- ⁵⁰ F. D. McCarthy. Ecology, Equipment, Economy and Trade.—Australian Aboriginal Studies. Melbourne, 1963, c. 174—175.
- ⁵¹ N. B. Tindale, H. A. Lindsay. Aboriginal Australians. Melbourne, 1963, c. 53.
- ⁵² J. B. Birdsell. Some Predictions for the Pleistocene Based on Equilibrium Systems among Recent Hunter-gatherers.—Man the Hunter. Chicago, 1968.
- ⁵³ N. B. Tindale. Some Population Changes among the Kaiadilt People of Bentinck Island, Queensland, c. 301—304.
- ⁵⁴ D. F. Thomson. The Seasonal Factor in Human Culture, Illustrated from the Life of a Contemporary Nomadic Group.—«Proceedings of the Prehistoric Society». 1939, vol. 5, c. 209.
- ⁵⁵ C. White, N. Peterson. Ethnographic Interpretations of the Prehistory of Western Arnhem Land.—«Southwestern Journal of Anthropology». 1969, vol. 25, № 1, c. 59.
- ⁵⁶ B. J. Williams. A Model of Band Society.—Society for American Archaeology. 1974, memoir 29.
- ⁵⁷ A. A. Yengoyan. Ritual and Exchange in Aboriginal Australia.—Social Exchange and Interaction. Ann Arbor. 1972.
- ⁵⁸ L. Fison, A. W. Howitt. Kamilaroi and Kurnai. Melbourne, 1880, c. 261—264; И. Н. Вилингов. Из архива Моргана.—Труды МАЭ. Т. 2. 1935, c. 203—205.
- ⁵⁹ A. W. Howitt. The Native Tribes of South-East Australia. L., 1904,

c. 756—770; см. также: J. Dawson, *Australian Aborigines*. Melbourne, 1881, c. 22. Новая сводка материалов: R. Schott, *Anfänge der Privat- und Planwirtschaft*. Braunschweig, 1956, c. 179, 278—289.

⁶⁰ F. G. G. Rose. *The Wind of Change in Central Australia*. B., 1965, c. 151; D. F. Thomson. *The Dugong Hunters of Cape York*.—«*Journal of the Royal Anthropological Institute*», 1934, vol. 64, c. 247—249.

⁶¹ A. W. Howitt. *The Native Tribes of South-East Australia*, c. 765; D. F. Thomson. *Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land*. Melbourne, 1949, c. 21.

⁶² G. H. Wilkins. *Undiscovered Australia*. L., 1928, c. 245—247.

⁶³ P. Kaberry. *Aboriginal Woman, Sacred and Profane*. L., 1939, c. 33.

⁶⁴ J. B. Birdsell. *Local Group Composition among the Australian Aborigines*, c. 131.

⁶⁵ D. F. Thomson. *Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land*, c. 15—16.

⁶⁶ J. B. Birdsell. *A Basic Demographic Unit*.—«*Current Anthropology*», 1973, vol. 14, № 4.

⁶⁷ N. B. Tindale. *Tribal and Inter-tribal Marriage among the Australian Aborigines*.—«*Human Biology*», 1953, vol. 25.

⁶⁸ A. R. Radcliffe-Brown. *The Social Organization of Australian Tribes*, c. 37.

⁶⁹ R. C. Owen. *The Patrilocal Band: a Linguistically and Culturally Hybrid Social Unit*.—«*American Anthropologist*», 1965, vol. 67, № 3, c. 680.

⁷⁰ W. L. Warner. *A Black Civilization*, c. 9, 30.

⁷¹ H. Petri. *Movements in the Western Desert*.—*Proceedings of the VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*. Tokyo, 1968, vol. 2, c. 168—170.